

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Евгений Шалашов

ЧЕКИСТ

ОСОБОЕ
ЗАДАНИЕ

«КРЫЛОВ»

Исторический детектив (Крылов)

Евгений Шалашов

Чекист. Особое задание

«Крылов»

2022

УДК 177.5
ББК 88.5

Шалашов Е. В.

Чекист. Особое задание / Е. В. Шалашов — «Крылов»,
2022 — (Исторический детектив (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0415-9

В результате странного эксперимента полковник госбезопасности Кустов перенесся в 1918 год и попал в тело Владимира Аксенова, двадцатилетнего журналиста провинциальной газеты, ветерана Первой мировой войны. Кустов-Аксенов переходит на службу в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Он умело использует опыт прежней работы и становится заместителем начальника губчека. Вскоре ему предстоит выполнить особое задание – отправиться в Архангельск, оккупированный англичанами и американцами, и стать разведчиком в тылу врага. Но для начала Владимиру Аксенову придется поехать в Москву и закончить специальные курсы, созданные Михаилом Кедровым – одним из создателей советской разведки и контрразведки. Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

УДК 177.5
ББК 88.5

ISBN 978-5-4226-0415-9

© Шалашов Е. В., 2022
© Крылов, 2022

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Шалашов

Чекист. Особое задание

© Шалашов Е., 2022

© ИК «Крылов», 2022

Автор выражает признательность-за неоценимую помощь в написании книги Дмитрию Дашко, Борису Сагадееву, Михаилу Ункафову, Александру Логачеву, Владимиру Смирнову, Александру Уварову, Елене Наумовой и Евгению из Группы переводчиков «Исторический роман» [https:// vk.com/translators_historicalnovel](https://vk.com/translators_historicalnovel).

Глава первая

Встреча со столицей

Вологодское губчека, куда я отправился за предписанием, отчего-то переправило меня в Военный отдел 6 армии. Деваться некуда – потащился в бывшую гостиницу «Золотой якорь», а потом ждал два часа, пока делопроизводитель не выдаст нужную бумагу. Еще с час убил на «выколачивание» пайка. С трудом, но сумел убедить, что отпускать человека голодным в командировку, да ещё и в Москву – это неправильно.

Потом была дорога от Вологды до Москвы, занявшая двое суток с лишним. Вначале полдня стояли на каком-то перегоне. Что-то гремело, два десятка рабочих вместе с сотней людей городского обличья (видимо, буржуи, отправленные на принудительные работы) таскали туда-сюда шпалы, меняли рельсы. Я решил, что недавно случилась диверсия, но сосед по купе – пожилой дяденька в старомодной железнодорожной фуражке и шинели со спортивными петлицами, сотрудник какого-то губернского железнодорожного управления, отправляющийся в командировку в Наркомпуть – авторитетно пояснил, что рельсы, уложенные ещё при Александре Освободителе, давным-давно износились, их собирались менять ещё до войны, потом перенесли ремонт на шестнадцатый год. А в шестнадцатом, когда принялись «расширять» узкоколейную дорогу от Вологды до Архангельска, весь запас ушел именно туда. Теперь, если лопаются какой-нибудь рельс, то заодно меняют соседние.

Потом был Грязовец, первая проверка документов, после которой соседи начали посматривать на меня с испуганной настороженностью и лишнего не говорить. Даже есть стеснялись. Пришлось выходить погулять в коридор, чтобы народ не смущать. В Данилове, где паровоз должен был запастись дровами и водой, пришлось ждать своей очереди часа четыре, а потом ещё два часа продержали на запасном пути. Там, кстати, тоже проверяли документы.

Отъехали от города, опять встали. На дороге шел небольшой бой. Поначалу доносился треск винтовочных выстрелов, но потом к ним добавился пулемёт. Я уже опасался, что сейчас по вагонам пробежит человек и, потрясая наганом, потребует, чтобы все коммунисты вышли из поезда и пошли в бой. Однако справились и без нас, о чём я не слишком-то и переживал.

В Ярославле проторчали полдня. Здесь документы изучали гораздо тщательнее, требуя кроме удостоверений личности ещё и командировочные предписания, и прочее. Пару человек, не сумевших убедить строгих чекистов, высадили и куда-то увели. Ярославцев можно было понять. После мятежа правых эсеров они тут на воду дуют. Мне, кстати, коллеги сделали замечание, что удостоверение устаревшего образца, а объяснения приняли с ноткой превосходства столичных ребят к зачуханным провинциалам.

Паёк, выданный в Вологде, закончился раньше, чем я рассчитывал, прикупить же что-нибудь у бабушек на перронах было невозможно. Бабушки мелькали, но вместо горячей картошки и солёных огурчиков, могли предложить только самогонку. Мои соседи, поначалу чуравшиеся меня, попривыкли и к концу дороги изрядно наклюкались. Жаль только, что их запасы закуски были не лучше, чем у меня.

Но всё-таки добрались до столицы. Ярославский вокзал обдал запахом дыма – терпкого, от каменного угля, и кислого, от сгоравших дров; ещё присутствовал сладковато-мерзкий аромат гниющих отбросов. Я думал, что только в девяностые годы двадцатого века перрон выглядел мерзко, ан нет, – в те времена пахло разве что жареными пирожками с дешевым пивом.

Перрон устилала шелуха семечек, слоем, не соврать бы, сантиметров в пять, и толстые голуби отчаянно трудились, пытаясь набить ненасытные пузики. А там кто-то с хвостом оттесняет в сторону голубя, пытаясь перехватить почерневший кусочек хлеба. Уж не крыса ли?

Впрочем, что крысы, что голуби – существа отвратительные. И бомжи, как же без них? Как, кстати, они в восемнадцатом назывались? Тьфу ты, называются. Мужчины и женщины в некогда приличной, но теперь обтрепанной одежде, с мешками, баулами и огромными чемоданами. Нет, скорее всего, беженцы. Не то из Вологды в Керчь, не то из Керчи в Вологду.

Еще беспризорники. Не то чтобы их слишком много, меньше, чем голубей, но выглядят колоритно. В драной одежде, в рваной обуви, а один – вообще босой, в конце октября! Скорее всего, выбирают будущую жертву для себя либо для взрослых. Крепкий парень в шинели, с тощим мешком и явно с оружием, интереса для них не представлял (профиту шиш, а маслину словить можно!), но один решил-таки попробовать. Беззубый мальчишка в армяке с чужого плеча и огромных сапогах с подвязанными веревочками подошвами. Деловито сплюнув, подошел ко мне и предложил:

– Слышь, дядька! Дай червонец, я тебе на пузе спляшу!

– Давай, – усмехнулся я, кивая на ковер из подсолнечной шелухи. – Ты ложись, а я у тебя на пузе станцую, забесплатно.

– Ладно, тогда папироску дай! – настаивал московский Гаврош.

– Не курю, нога болит!

Беспризорник, потеряв ко мне интерес, пошел дальше выискивать себе подходящего лоха, достойного быть разутым-раздетым. Уличные мальчишки в эту эпоху хуже, чем стая одичавших собак. Когда Феликс Эдмундович начнет планомерную ликвидацию беспризорности? В двадцать втором или чуть раньше?

На перроне развернулась небольшая торговля. Длинный парень в замызганном балахоне и в очках с толстенькими стеклами разложил на куске картона с десяток книг. Не выдержал, подошел. М-да, все на иностранном языке, не для меня писаны. Рядом с очкариком немолодая интеллигентная тетка пыталась продать фарфоровый заварочный чайник проходящему мимо мешочнику, но безуспешно. Наверное, стоило ему предложить ночной горшок, было бы больше толку. А тут товар иного рода.

Интересно, чего это «ночная фея» вышла на промысел с утра пораньше? Глянула на меня, собираясь улыбнуться, но передумала, отчего-то резко сорвалась с места и убежала. Вероятно, оценила платежеспособность, а может, поняла, что перед ней чекист. Эти дамочки хорошие психологи и физиономисты. Там стояла ещё одна особа, не очень опрятная, продававшая аппетитно пахнувшие мясом пирожки, но к ней отчего-то никто не стоял в очереди. У меня, сегодня не завтракавшего, а вчера не ужинавшего, живот слегка сводило... правда, не настолько, чтобы покупать пирожки с сомнительным содержимым. Понимаю, что не мертвечина, но есть Шарика или Мурзика не хотелось.

Я прошел через помещение, слегка побродил, усмехнулся своей наивности – буфет искал, придурок. И вышел в дверь, ведущую на привокзальную площадь. Ага, тутошняя стоянка подходит почти к самому зданию, а не так, как в двадцать первом веке. Площадь почти пустая, один извозчик, уныло надеявшийся подхватить какого-нибудь пассажира типа мешочника, возвращавшегося в Москву из похода в соседнюю губернию за пудом ржи, но таких сегодня не обнаружилось. Ещё более унылый человек в солдатской шинели, но отчего-то в партикулярной кепке с наушниками и с красной повязкой на рукаве. Не иначе, из числа первых московских милиционеров. Постовой.

А там автомобиль. Не силен в ретро-технике, но похож на «Руссо-Балт». Что ещё могло ездить по Москве? Разве что «форд». Грустно кататься в автомобиле, если в дверцах нет стекол. Лобовое наличествует, и то хорошо. Автомобиль мне очень не нравился. Не из-за эстетики, а вообще.

– Товарищ Аксенов? – услышал я. – Пройдемте со мной.

Мордатый парень в кожаном плаще, улыбка во весь рот.

– А вы кто, товарищ? – лениво ответил я, краем глаза посматривая за тем, что происходит.

– Но вы товарищ Аксенов? – переспросил мордатый.

Я только пожал плечами. То, что я Аксенов, мне известно, но почему я должен называться первому встречному, хотя и понял, кто передо мной. Интересно, как меня смогли вычислить? Из Вологды переслали словесный портрет или в Центральный аппарат отправили наши фотокарточки? Хм. Есин говорил как-то, что скоро нас обеспечат новыми удостоверениями с портретами, чтобы всё как положено, но мы к фотографу не ходили.

– Так ты Аксенов или нет? – начал злиться мордатый.

– Кто я такой, я сам знаю, а вот ты кто такой?

– А я из московского губчека! – гордо заявил мордатый. – Если ты Аксенов, пройдем со мной.

– И с какой стати мне тебе верить? Может, ты контра переодетая или бандит?

– Чё это я контра? – обиделся парень. – Никакая я тебе не контра.

– А если я не Аксенов?

– Как это не Аксенов? – растерялся московский чекист. – Со мной пошли, кому говорят.

– А рожу тебе вареньем не намазать?

– Чё ты сказал-то? – возмутился оскорбленный до глубины души чекист и попытался толкнуть меня в любезно открывшуюся дверь, только не рассчитал, что машина уже отъехала на полметра. А вот ты, дорогой коллега, если тебя слегка развернуть, подправить траекторию, точно там и окажешься.

Московский чекист (если это чекист, документы я не смотрел) врезался в своего напарника, уже готовившегося хватать и не пущать. Что удивительно, водитель остался сидеть на месте, словно его это не касалось.

– Ах ты, сука! – вскипел мордатый, пытаясь выхватить что-то из кармана.

Сложно одновременно вытаскивать оружие и выскакивать из машины, а там порожек, запнуться можно! Ох, что же ты, милый, падаешь, да ещё мордой вниз, а там грязно! И револьвер уронил, а он чего-то под машину отлетел. Бывает. Хм, а дверца с той стороны не открывается, что ли? Чего это второй товарищ в эту же дверь ломится, если можно обойти? М-да, ещё и за своего напарника запнулся. Беда с вами, ребята!

– Bravo! – услышал я сзади голос и звуки, похожие на аплодисменты, но на такие, будто аплодируют в перчатках.

Сделав шаг влево и в сторону, приготовился к новой напасти, увидел симпатичного товарища лет сорока-сорока пяти в добротной шинели и фуражке, с небольшой бородкой и усами.

– Да я тебя, суку! – пробормотал мордастый, поднимаясь с земли и размазывая кровь по круглой физиономии.

– Приходько! – повысил голос товарищ в шинели, и мордастый сразу же вытянулся, словно оловянный солдатик. – Кругом! Шагом марш отсюда! И ты, Алексеев, – бросил он второму, уже успевшему подняться, – вместе с ним, пешком. А оружие кто за вас поднимать станет?

Подождав, пока незадачливые чекисты вытащат из-под машины револьвер (водитель не стал отъезжать) и отойдут на несколько шагов, товарищ снял перчатку и протянул мне левую руку.

– Кедров, – представился он. Усмехнувшись, спросил: – Мандат предъявить или на слово поверите?

– Аксенов, – ответил я, пожимая руку.

Как же мне не верить человеку, чьи фотографии видел и в нашем музее, и в многочисленных материалах по становлению ВЧК? Однако положение обязывало проверить.

– Поверю без мандата, если скажете, куда мне надлежит прибыть?

– Большая Лубянка, одиннадцать, кабинет номер шесть. Если вы сами не пришли в кабинет, кабинет сам к вам явился.

– Прибыл в ваше распоряжение, товарищ Кедров.

Кедров кивнул в сторону открытой дверцы автомобиля, подождал, когда я залезу внутрь, уселся рядом.

– На Лубянку, – приказал он, и водитель немедленно тронулся с места. Повернувшись ко мне, Кедров с интересом спросил: – Как вы догадались, что это проверка?

– Скорее, провокация, – пожал я плечами.

Хотел ещё выразить удивление, что начальник такого уровня, как Михаил Сергеевич Кедров, участвует в рядовой операции, но не стал. Я же не знаю его нынешней должности. С июня по сентябрь восемнадцатого Михаил Сергеевич был командующим Северо-Восточных отрядов завесы¹, воевал с интервентами, а в сентябре, когда отряды Завесы были реорганизованы в дивизии и сведены в шестую армию, а её командующим назначен бывший подполковник царской армии Владимир Гиттис, а Кедров (со слов Есина, ездившего на совещание Северных коммун) переведен в Москву, в Военный отдел ВЧК.

Из своей «прошлой» памяти извлек информацию, что Кедров был отцом-основателем Особых отделов, а они, дай бог памяти, были созданы в январе девятнадцатого. Не удивлюсь, если выяснится, что Михаил Сергеевич нынче и есть начальник Военного отдела ВЧК.

– Как вы поняли, что это провокация? – повторил Кедров вопрос.

Я чуть не ляпнул, что в отношении меня использована классическая схема задержания, известная любому начинающему оперативнику, но тогда Михаил Сергеевич заинтересуется, откуда взялась эта классика, если схема придумана недавно, в недрах ВЧК? Значит, придется импровизировать.

– Прежде всего, обратил внимание на странные совпадения. Человек в кожаном плаще тронулся с места одновременно с автомобилем, они очень целенаправленно двинулись ко мне. Дверца приоткрыта. Очень напоминает одну штуку – мальчишки, если хотят кого-то побить, поступают так: один заходит за спину, приседает, второй толкает в грудь – апс, упал! А чем хуже вариант при задержании – толкнуть в открытую дверь автомобиля? Мне даже понравилось.

государственных границ Советской России. *(Здесь и далее примечания автора).*

Следующий вопрос – что это за люди? Теоретически они могли оказаться бандитами, но откуда автомобиль? Да и интереса для московских деловых я не представляю. Ещё один момент – милиционер очень демонстративно от нас отвернулся, значит, он либо уже видел подобное, либо ему приказали не обращать внимания. А когда товарищ в плаще назвал мою фамилию, то я окончательно убедился, что это мои коллеги. Правда, работают очень топорно. Но есть два момента, которые меня смущают.

– Какие именно? – заинтересовался Кедров.

– Первый – как меня опознали? Второй – зачем это надо?

Наверное, первый вопрос интересовал меня больше. Второй... Ну, у начальства свои причуды.

– Товарищ Аксенов, или можно просто Владимир?

– Можно, Михаил Сергеевич, даже можно на «ты». Единственное, чего не люблю, так это когда меня Вовкой называют. Но для вас сделаю исключение.

– Опознали вас просто. В Вологде, в штабе шестой армии вас очень внимательно рассмотрели, сделали хороший словесный портрет, переслали по телеграфу. Вагон ваш известен, людей, подходящих под описание, немного. Теперь по второму пункту. Здесь тоже все предельно просто. Мы набираем новых сотрудников в совершенно новую структуру. Поэтому мне

¹ Завеса – в начальный период формирования РККА так назывались боевые отряды, сформированные по территориальному признаку, созданные для защиты

просто хотелось посмотреть, как они себя ведут. Сам я редко выезжаю на подобные мероприятия, но сегодня отыскалось немного времени, решил съездить. Признаюсь, вы доставили мне массу удовольствия! Я сейчас не о том, как вы возили этих дураков мордой по асфальту. Могу сказать, что вы первый, кто отказался немедленно сесть в машину, не поддался на уловку, потребовал предъявить документы. Очень похвально, что вы проявили такую бдительность. Обычно провинциальные чекисты верят на слово своим московским коллегам.

Я только смущенно развел руками. Не стану же говорить, что в нашем деле принцип презумпции невиновности не действует. Пока вы стопроцентно не убедитесь, что ваш собеседник тот, за кого он себя выдает, он потенциальный противник.

– Да, товарищ Аксенов – мне теперь уже не хочется звать вас просто по имени, а отчество не запомнил, извините – почему вы не задаете вопросы, касающиеся вашей новой работы?

– Я кошку вспомнил, которую сгубило любопытство. К тому же, – кивнул я на спину шофера, – вас я знаю, но ваш водитель для меня посторонний человек. Как я полагаю, вы соберете всех нас и там уже начнете объяснять, что к чему.

– Похвально, – хмыкнул Кедров. – Как говорили древние: «*Omnia habet tempus*».

– *Et locum*², – продолжил я.

– Ого! В учительской семинарии изучали латынь?

Я мысленно выругал себя. Ну, к чему было распускать язык? Попытался перевести все в шутку.

– Вычитал в каком-то романе. Зато всегда можно блеснуть эрудицией перед девушками. Иногда помогает.

² *Omnia habet tempus et locum* (лат.) – Всему своё время и место.

Кедров Михаил Сергеевич (1878 — 1941)

Глава вторая

Первый съезд РКСМ

Я не обольщался тем, что был такой единственный и неповторимый, кого перевели на службу в Центральный аппарат. Кедров любезно подкинул меня к общежитию и уехал, сказав на прощание, что по всем организационным вопросам следует обращаться к товарищу Лосеву, старшему группы.

Наше общежитие располагалось в бывшем кадетском корпусе, а группа, съехавшаяся в Москву со всей России, насчитывала двадцать человек и размещалась в одном из дортуаров, где когда-то спали кадеты-первокурсники. Не знаю, сколько мальчишек здесь ночевало, но, по прикидкам, человек сорок, не меньше.

Товарищ Лосев оказался немолодым (лет за сорок) рабочим из Петроградского ЧК, красногвардейцем первого призыва, участвовавшим в штурме Зимнего. Он пометил мою фамилию галочкой, пообещал, что паёк мне выдадут уже сегодня, затем кивнул на койку и сказал:

– Располагайся. Постельного белья пока нет, так поспим, завтра принесут, заодно и в баню сходим.

Услышав про баню, я обрадовался. Ещё бы! Мне, не мыслившему свою жизнь без ежедневного душа, теперь приходится мыться раз в неделю, если повезет. Бывало, что и по две недели ходил немытым, как чушка.

Наша группа была довольно-таки разношерстной и разновозрастной. Половину составляли выходцы из рабочих, человек пять бывших фронтовиков и ещё пять из числа крестьян. Самым старшим в ней оказался наш командир, а младшим – я. Поначалу к юнцу отнеслись снисходительно. Конечно, «припахивать» меня не у кого желания не возникало, да и товарищ Лосев пресёк бы попытку отправить молодого чекиста за табаком или за самогонкой, но первым дежурным по казарме назначили именно меня. Что ж, подежурим! Да и порядок в помещении желательно бы навести. Товарищи чекисты, видимо, не привыкли укладывать свои вещи в тумбочки, не говоря уже про разбросанные вокруг портянки и носки. Что ж, будем работать.

Я отыскал коменданта-латыша. Услышав просьбу, он удивленно выкатил на меня водянистые глаза, но сразу вручил ведро, швабру и тряпку. Я отправился в довольно загаженный туалет (кадеты, как я полагаю, сами сортиры чистили), наполнил ведро водой. Водопровод работает, уже хорошо. А что касается туалета, его тоже можно помыть и почистить, дайте время!

– Дорогие товарищи! – обратился я к коллегам. – Сейчас я буду мыть пол в нашей казарме. Убедительная просьба – убрать свои вещи с пола, уложить их на кровати или поместить в тумбочки.

Мои будущие соратники и ухом не повели. Что ж, им же хуже.

Взяв ведро, выплеснул воду на пол. Эх, дортуар велик, намочило пол только у первых кроватей, но и этого достаточно, чтобы начались вопли и крики.

– А я вас предупреждал, просил всё убрать, – проникновенно сказал я, глядя в глаза хозяевам мокрых вещей.

Сержант в учебке сделал бы мне «kozy морду» за такое «палубное» мытье, но сейчас присутствовал элемент воспитания!

Большинство только посмеялось, но один, чересчур обидевшийся на меня за грязные носки, ставшие ещё и мокрыми, попытался полезть в рукопашную.

Его попытка была пресечена не мной даже, а хохочущим Лосевым, легко скрутившим разъяренного парня и кинувшего того на койку.

Когда я принес второе ведро воды, народ уже убрал вещи с пола и смотрел на меня с чувством любопытства – мол, что он ещё выкинет?

Я больше экспериментировать не стал, я здесь не начальник, а был бы оным, так они у меня и койки бы заправляли, как положено, ещё бы и рантик на одеяле табуреткой отбивали, как в образцовой учебке Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа!

Точно, – талант не пропьешь, а навыки мытья полов, полученные давным-давно, никуда не делись. Жаль, нет никакого чистящего средства, даже хозяйственного мыла, но вода тоже может справляться с многомесячной грязью, накопившейся с момента расформирования кадетского корпуса и до сего дня.

– Эй, как тебя там, Аксенов, что ли? – крикнул один из парней, похожий на записных остряков, считавших своим долгом схохмить по поводу и без того, что найдутся в любом коллективе больше двух человек. – Ты раньше поломоем работал, да? У меня дома полы не мыты, приходи.

Переждав, пока стихнет гул хохота, я спокойно сказал:

– Если ВЧК меня в свинари определит, то приду.

Теперь уже ржали над парнем, а тот, что удивительно, смеялся вместе со всеми.

Я мыл полы, а мои коллеги забрались на кровати с ногами. Двое ребят, чуть старше меня, скинули солдатские шинели, под которыми оказались порядком заношенные и заштопанные гимнастерки, пришли на помощь.

Когда все было закончено, народ начал с опаской ставить ноги на чистый пол.

– Я что вам хотел сказать, дорогие товарищи, – обратился я к коллегам. – Товарищ Дзержинский говорил, что у чекиста должны быть чистые руки, горячее сердце и холодная голова! Если мы станем жить в свинарнике, как наш товарищ, то руки чистыми не останутся.

– Слышь, товарищ Аксенов, – с сомнением в голосе сказал наш начальник. – Феликс про чистые руки образно говорил! Чистые руки – значит, чтобы к ним чужое добро не пристало.

А дальше началась дискуссия, сводившаяся к следующему: может ли сотрудник ВЧК, скажем, взять себе найденное при обыске оружие, если оно ему позарез необходимо? Сошлись на том, что да, может, но он обязан доложить о том своему начальнику.

Зато с утра, когда к нам заглянул товарищ Кедров, начальник Военного отдела ВЧК был приятно удивлен, увидев чистые полы, заправленные кровати и относительный порядок.

– Молодец, товарищ Лосев, – похвалил начальник нашего старшего, на что тот, смущенно пряча глаза, честно ответил:

– Это не я, Михаил Сергеевич, это Володя Аксенов.

Кедров хмыкнул, но ничего не сказал, а потом и совсем ушел. И чего, спрашивается, он приходил? Зато потом меня отыскал комендант и предложил переходить к нему – пока помощником, а потом и на его место. Дескать, ему уже осточертело быть комендантом общежития для чекистов, особенно в то время, когда прибывают командировочные, а ему потом искать оконные стекла вместо разбитых.

– Пат-тумай, тарагой тавар-ришь! Я-та скоро с нашшым патальоном на фронт уйту, а ты останешся глафным.

Может, я и рад бы остаться в качестве коменданта, получить казенную комнату в Москве, но мы люди подневольные. Партия сказала – надо, ВЧК ответил – есть!

На это латыш возразить ничего не мог. Эти ребята люди дисциплинированные.

Кажется, коллеги начали меня уважать. А вот что окончательно подняло мой авторитет, так это баня. Нет, я не начал показывать чудеса банного искусства: вода шла еле тёплая, просто, когда в предбаннике скинул с себя нательную рубаху, услышал шепоток:

– Володь, это где тебя так?

Я поначалу не понял, о чём они, потом дошло, что о моих шрамах. Мне свою тушку давно не приводилось обнажать перед посторонними, в баню ходил в одиночку.

– Это в империалистическую, от штыка, – ткнул я на левую руку. – А тут, на груди и на спине, уже у нас.

– Контрики, гады! – сказал кто-то с возмущением, а я не стал объяснять, что это просто одуревшие от самогонки мужики, у которых, скорее всего, сдали нервы.

После бани и перемены белья жить стало легче. А когда в столовой нас накормили супчиком с картошкой и рыбными консервами, жить захотелось ещё больше!

В первый день нам никто ничего не приказывал, никуда не водили. Народ ломал голову – зачем нас сюда вытащили? Возникло предположение, что на какие-нибудь курсы. У «армейцев» в последнее время такие начали открываться сплошь и рядом. Вот поучимся мы чему-нибудь, а потом вернёмся обратно.

Я тоже вспомнил, что в сентябре месяце, несмотря на тяжелые бои под Шенкурском и на Северной Двине, в Вологде проводили краткосрочные курсы командиров Красной Армии среднего звена. Не знаю, чему там обучали, но сейчас это не главное. Главное, что военное руководство осознает: что ставить командирами взводов и рот неопытных людей нельзя, а опытных не напасёшься. А вологодские курсы Кедров, тогда ещё командующий войсками Северо-Восточного участка отрядов завесы, и открывал. Сам ли, по приказу ли товарища Троцкого, не суть важно. Теперь Кедров перешел в ВЧК.

Военный отдел ВЧК занимается контрразведкой. Но деятельностью по пресечению работы разведслужб и шпионажа других государств и антиправительственных организаций у нас занимается ещё и отдел Военного контроля при народном комиссариате по военным и морским делам РСФСР. В январе Военный отдел сольют с Контролем, а Кедров станет начальником Особого отдела ВЧК.

А не является ли перевод Кедрова элементом «большой политики»? Чисто формально, Чрезвычайная комиссия, получив в своё распоряжение Военный контроль, усиливается, а военное ведомство ослабнет. Но если человек Троцкого встанет во главе отдела, что получается? Вот-вот... Впрочем, сие не моё дело, но можно предположить (пофантазировать), что наша группа – основа, возможно, что и начальники будущих Особых отделов дивизий или армий. Тоже логично. Будут объединять Военные отделы губчека, где они есть (в Череповце, скажем, и в других губерниях, удаленных от фронтов, такие не создавали, смысла не видели), вместе с Военными отделами, будут обиды, почему начальником поставили его, а не меня? А мы, скажем так, посторонние люди, «варяги», которые иногда бывают удобнее, нежели свои.

Нас не тревожили несколько дней, давая отоспаться и немного отъесться. Счастье! Но счастье оказалось недолгим. Через три дня нас собрали и сообщили, что нашей группе поручено охранять делегатов съезда, где будет выступать товарищ Ленин.

О создании пока Российского и даже не Ленинского Союза молодежи я кое-что помнил. Как-никак изучал историю КПСС, а даты, когда проходили съезды и на них принимались основные решения, едва ли не зазубривали наизусть. Не знал, конечно, что это мне может понадобиться, а вот поди же ты!

Итак, о необходимости создания союзов молодежи поднимался вопрос ещё на шестом съезде РСДРП(б) в августе семнадцатого года, и даже резолюцию соответствующую приняли. А дальше по всей стране стали возникать молодежные политические организации. У нас, в Череповецкой губернии, таких было штук шесть! Помнится, Капка (ну, теперь-то Полина) говорила, что они со Степкой Телегиным проводят губернский съезд Социалистической молодежи и её даже избрали куда-то там.

Да, Полина ещё сказала, что из Москвы пришёл вызов о предоставлении делегатов на съезд, в количестве один человек от ста социомольцев. (Бр-р, ну и слово!) Кажется, избрали Степана. Ну, если будем охранять съезд, то с земляком повидаться, узнаю, как там дела. Хотя за неделю больших изменений не должно быть. Череповец белые вряд ли взяли (шучу), да и Полина замуж тоже вряд ли вышла (а жаль).

Не видел ни фотографий, ни картин с первого съезда РКСМ. Но в памяти всплыло другое – монументальное полотно «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола». На ней

вождь мирового пролетариата в картинном жесте вскинул руку к присутствующим, объясняя им, что «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма!». Картина известна каждому, тем более что в свое время репродукции работы классика соцреализма Бориса Иогансона украшали все учебники истории, висели в «высоких» кабинетах комсомольских работников, по ней писали доклады и рефераты.

Художник прекрасно изобразил и самого товарища Ленина, и комсомольцев, прибывших на съезд и с фронта, и из тыла, где в те годы было не лучше. Юные просветленные лица, огромное внимание к речи вождя.

Мне же, когда я вспоминал картину, хотелось плакать. Ну что за дела такие? У солдата на переднем плане полевая сумка, отчего-то довольно пухлая. Сколько туда войдет гранат? А справа, около парня в красных революционных шароварах, вещмешок, в котором можно «адскую машинку» притащить. И все в верхней одежде, под которой укроется огнестрельное оружие от парабеллума и до обреза. Я уж не говорю, что вокруг вождя стоят совершенно непонятные люди, каждый из которых способен нанести удар в спину или выстрелить в затылок. А входы-выходы кто-нибудь контролирует?

Нет, допуская, что вокруг все люди проверенные (в прямом и переносном смысле), что ничего лишнего не было, а это всего лишь прихоть художника, решившего изобразить простоту товарища Ленина и близость его к народу. Однако, вспоминая подготовку к Первому съезду РКСМ и творившийся вокруг бардак, сомневаюсь.

Но я почему-то не помнил, что Ленин выступал на первом съезде. На втором – было дело, на третьем тоже. Провал в памяти?

Начать с того, что московский горком партии, отвечавший за организацию съезда, не имел списков делегатов. Точнее, список у него был, но рукописный. Мол, некогда, всё уточняем. Вот когда станет полная ясность, тогда и представим в отпечатанном виде! Здание рабочего клуба, где планировалось заседание, на отшибе, но на него выходят окна жилых домов. В идеале, позакрывать бы окна, запретить жителям квартир даже и думать о выходе на балконы, но куда там! Ну, хотя бы пару снайперов нам, чтобы контролировать окна, так и их нет.

И ещё чудо из чудес – во всех газетах было написано, что товарищ Ленин, несмотря на плохое самочувствие, обязательно выступит перед молодежью. Адрес, время указаны. Слов нет.

«Шмонать» комсомольцев нам категорически запретили. Мол, молодые товарищи приехали из глубинки, доверяют старшим, а вы их обыскивать решили, как при старом режиме. А подменить по дороге делегата на какого-нибудь молодого контрика – да, вполне возможно, но вы для того и службу несёте, родные вы наши!

Я предложил Лосеву разбить зал на сектора, посадить туда проверенных людей, но от этой затеи тоже решили отказаться. Делегатов ожидалось около двухсот человек, а зал очень маленький. Если вместятся все делегаты, и то хорошо.

– Володя, что делать будем? – озабоченно спросил Лосев меня, будто у более опытного товарища.

В какой-то мере так и было, но я никогда не занимался охраной физических лиц, тем более такого масштаба. Впрочем, в восемнадцатом году мне многое было в новинку.

– Сделаем так, – сказал я уверенным тоном. – В зал отправим человек пять, рассадим их по разным местам, пусть страхуют. Кто-то увидит подозрительное – в сумочку барышня полезла не вовремя, человек полевую сумку начал смотреть – пресекать. Ещё пятеро пусть проверяют мандаты, сверяют со списками. Ещё пятеро пасутся на улице, вокруг здания – нет ли подозрительных. Если хоть кто-нибудь не понравится – сразу валить, а разбираться потом.

– Валить это как? С ног сбивать? – не понял Лосев, потом до него дошло: – А... стрелять на месте, без предупреждения.

Но скоро у меня отлегло от сердца. В клуб прибыли ребята из отряда Лациса, которым, как мне говорили, не так давно была поручена охрана товарища Ленина. Хоть чему-то завод Михельсона научил нашего вождя!

Парни серьезные, немногословные (они вообще русские ли?), очень быстро проверили все входы и выходы, рассредоточились по всему зданию.

Я смотрел, как рослые ребята берут инициативу в свои руки, но что-то меня смущало. Что именно? Охрана проверила запасные входы, окна, но что-то они упустили. Что именно? Батюшки-святые, женский туалет! Джентльмены хреновы! Могли бы и женщину взять в охрану, коли так.

Под удивленные взгляды и наших, и парней Лациса я прошел в туалет, быстро осмотрел кабинки и за отстоявшим от стены бачком обнаружил то, что втайне и ждал найти – здоровенную гранату на длинной ручке. И какой, интересно, она системы? Кто-то ожидал, что при входе начнется повальный обыск, и решил подготовиться заранее. Где-то о подобном я читал. А, так это было у Пьюзо, когда Майклу Карлеоне припрятали за сливным бачком пистолет.

Лосева я не нашел, пришлось подойти к Лацису.

– Товарищ Лацис, разрешите обратиться? – вскинул я ладонь к козырьку, а когда удивленный Лацис ответно козырнул, представился: – Курсант Аксенов. Только что обнаружил за сливным бачком женского туалета гранату. Трогать не стал, в саперном деле не разбираюсь.

Лацис окрикнул кого-то из своих ребят, и тот быстро, но без суеты отправился в туалет. Вернувшись, показал нам гранату, из которой он успел извлечь запал.

Видимо, моё лицо в этот момент выражало разочарование – я-то рассчитывал, что сумеем взять хозяина гранаты, поскольку Лацис позволил себе улыбнуться и сказать почти без акцента:

– Тавариш Аксенов – вы маладец! Но сейчас не время устраивать шпионские разоблачения. Шизнь таварища Ленина важнее.

Лацис пожал мне руку, я ушел к столу, где ребята уже проверяли мандаты подъехавших делегатов. Кажется, справляются и без меня. Я немного грустил. Ведь может какая-нибудь мамзеля зайти в сортир, взять гранату! Вон, вроде той, в скромном пальтишке. А знакомое пальтецо-то. И тут девушка обернулась.

– Привет, Вовк, я тут на съезд приехала.

Глава третья

О несостоявшемся приезде вождя и Эдгаре По

– А меня депутаткой, то есть делегаткой от Череповецкого союза молодежи выбрали, – похвасталась Полина.

– Поздравляю, – улыбнулся я девушке, стараясь не потерять из виду вход. А делегаты всё шли и шли.

– Должны были Степа Телегин ехать да Иван Хвыля. Степка поехал, а Ванька сказал, что Москва со съездом на хрен ему не нужна, без него обойдутся, а вот фронт без него никак. У нас молодежный отряд собрали, так он в нем комиссарить уехал, Колчака бить. Иван уехал, а я следующая в списке. Телегин-то из Москвы тоже сразу на фронт, а мне в губернию – решения съезда до молодежи доводить.

Ишь ты! Ещё немного и Полина станет комсомольским функционером. А что? У неё получится. Главное, чтобы не пустилась в рукопашную с идейным противником.

– Вовк, а чё ты все по сторонам башкой крутишь? Шею не вывернешь?

– Так я же здесь по службе. Жду, когда высокие гости придут.

– Это ты про Ильича, что ли? – спросила Полина, поведя плечиком. – Так не приедет, Ильич-то. Я как сюда подходила, слышала, что парни говорили – мол, не то товарищ Ленин себя плохо чувствует, не то совещание срочное по Колчаку. Жаль, так хотела Владимира Ильича живьем увидеть, но не случилось.

Ну, ёлки-палки! Я едва не выматерился, но сдержался. Простая делегатка съезда знает о приезде Ленина больше, чем сотрудник спецслужбы, которой поручена охрана съезда! И люди Ладиса уже покидали помещение клуба.

– Слышь, Вовк, а ты чего здесь стоишь, словно простой охранник?

– Так я здесь простой охранник и есть, – улыбнулся я.

Полина окинула меня взглядом, в котором скользнуло разочарование.

– Ну вот, а мне товарищ Есин сказал, что ты в Москву отбыл на ответственную работу. Не знал или соврал? Ты же в Череповце большим человеком был, целым начальником отдела губчека. А там, глядишь, и в начальники бы выбился.

Я уже с легким нетерпением и радостным чувством ждал, что мне сейчас скажут: «Ну, не пара ты мне, Вовка, не пара, раз ты простой охранник, я за другого пойду!», но услышал иное:

– Ладно, Вовка, что тут с тобой поделать. Я же тебя, дурака, всё равно люблю. А как война закончится, пойдешь работать по специальности – детей учить. А там, глядишь, и в директора выбьешься, а то и в начальника губоно!

Кажется, я всё-таки выматерился, но, к счастью, Полина не услышала, потому что нас отвлек рослый парень в черном пальто и шапке-пирожке.

– Володя, привет.

Я пожал руку Степану Телегину – неплохому парню с петроградского завода, направленному в Череповец для работы с молодежью. Но вожака соцсомола интересовал не я.

– Фили... Ах, чёрт, опять забыл, что ты теперь Аксенова! Аксенова, ты долго лясы точить собираешься? Сейчас все места займут, стоять придется. Давай, Поля, шевели ножками.

Не понял, а кто у нас Аксенова?

– А, Вовка, я тут фамилию ещё сменила. Ну что такая за фамилия Филимонова? Думаю, пусть лучше Аксеновой стану, чтобы потом документы не менять.

Полина мазнула меня губками по щеке и убежала. И вовремя, потому что у меня появилось желание надрать ей одно место. Мягкое. Вот и надрал бы, хоть и нельзя.

Первый съезд комсомола начал свою работу, а нас заменили на красногвардейцев, хотя они уже и считались сотрудниками милиции. На всякий случай я доложил о гранате Лосеву как старшему группы, но тот только кивнул и всё.

На следующий день состоялась первая лекция, посвященная нашей будущей деятельности. Вначале выступил Михаил Сергеевич Кедров. Он говорил недолго. Произнес несколько дежурных фраз о врагах революции и Советской власти, о том, что наши враги не дремлют, и в этих условиях на нас возложена очень сложная и важная задача – защищать молодую республику от проникновения в неё агентуры разведок всех мастей: как белогвардейских, так и иностранных, пресечения их подрывной работы. Нам нужно разоблачать шпионов и предотвращать диверсии, пресекать возможное двурушничество и измену в своих рядах. Задача контрразведки в её наступательности – умении вести оперативные игры с целью решения важнейших профессиональных задач: проникновения непосредственно в структуры вражеских разведок для выяснения их разведывательных планов и замыслов против страны.

Когда Кедров закончил свою речь, а мы по сложившейся уже привычке собирались поаплодировать, начальник военного отдела остановил нашу попытку:

– Товарищи, мы не на митинге и не на собрании. Прошу вас впредь не тратить своё и моё время на ненужное выражение чувств. Вашу первую лекцию проведет товарищ Сагадеев. Он является военным специалистом, много лет потратил на борьбу с иноземными разведчиками.

Сагадееву, сухопарому, подтянутому человеку, на мой взгляд, вместо френча больше подошел бы мундир с золотыми погонями, аксельбантом, значком выпускника академии Генерального штаба и как минимум с двумя крестами. Так и хотелось обратиться к нему по-старорежимному: «Ваше Высокородие!»

Военспец очень интересно принялся нам рассказывать об истории русской контрразведки, причем слушать было интересно не только моим коллегам, но и мне, знавшему гораздо больше, чем вчерашние рабочие или крестьяне. Но мне, например, никогда и в голову не приходило, что военная контрразведка вела борьбу с контрабандистами, фальшивомонетчиками и религиозными сектами. А вот поди же ты! И проблемы контрразведки былых времен были сродни нашим – недостаточное финансирование, непонимание со стороны добропорядочных граждан, которые видят в нас только «цепных псов» правящего режима, а не людей, стоящих на страже их же собственного благополучия.

Народ сидел и слушал, кое-кто даже записывал в блокнотики или тетрадки наиболее интересные сведения, а я ломал голову – стоит ли вносить «рацпредложение» о введении «секретных тетрадей», прошитых и пронумерованных? Чтобы было всё как положено. А ещё нам понадобится «секретчик». Помнится, в хитрой «школе» никто не желал отвечать за «секретный» чемоданчик, где хранились наши конспекты. Кому хочется до начала занятия перетягивать в спецчасть, забирать чемодан, а по окончании лекции, когда все дружно бегут либо в курилку, либо в столовую, идти опять же в комнату за стальной дверью сдавать наши каракули, теряя своё личное время?

Немного пораскинув мозгами, решил, что лезть со своими советами не стану. Покамест ничего из категории «совершенно секретно» или даже «для служебного пользования» я не услышал. Влезу, так, не дай бог, меня и заставят изготавливать «секретные» тетради. Мы-то наловчились сверлить дырки электродрелью, а тут шилом придется ковырять. И чемоданчик не из легкого сплава, а какой-нибудь банковский сейф с ручкой. Нет уж, нет уж. Пусть сами доходят, своим умом. Да и зачем лишний раз подталкивать историю?

Я задумался и не сразу заметил, что меня дергает за рукав незнакомый мне человек, показывая глазами на дверь – мол, пойдем выйдем. Наш лектор, недовольный тем, что его отвлекли, собрался было обрушиться с гневной репликой, но прищурившись и, видимо, рассмотрев вошедшего, промолчал.

– Пройдемте со мной, – строго приказал мне незнакомец, затем направился прямо по коридору и завернул в какой-то закуток, упрятанный за дверь.

Похоже, здесь был когда-то чулан для хранения хозяйственного инвентаря. Тем не менее, места хватило, чтобы вместить конторский стол, сейф и пару стульев. За столом сидел сам товарищ Кедров.

– Садитесь, Владимир Иванович, – кивнул начальник отдела на один из стульев.

Мой сопровождающий сел на второй, не спрашивая разрешения.

– Что скажете, товарищ Аксенов?

Кедров пододвинул ко мне клочок серой бумаги, где было написано следующее.

Товарышшу Дзяржынскаму. Спяшу довести да вашего сведения, што чекист Оксенов готовил пакушение на товарища Ленина.

Он хател взарвать яго гранатой, спрятанной в бабьем туалете.

Прочитав текст, я только покрутил головой и вздохнул:

– Судя по всему – автор записки пытается выдать себя за малограмотного человека, хотя сам хорошо образован.

– Почему вы так решили? – сразу же заинтересовался незнакомец.

Человеку было лет тридцать, бороды и усов не носил, очень неприметный.

– С одной стороны, много ошибок, но слово «спрятанной» написано через две буквы «н», а малограмотный написал бы с одной, – начал я излагать соображения. – Даже малограмотный не стал бы коверкать мою фамилию. Имя Авксентий, Аксюта, чего здесь сложного?

Если «Оксюта», звучит слишком нарочито, по-простонародному. И вот ещё – «бабий», но почему тогда не уборная, не сортир или даже не ватер-клозет? Будь это малограмотный солдат, предположим, он написал бы именно так. В солдатской среде, особенно у фронтовиков, это словечко в моде. Но самое главное – правильно расставлены знаки препинания. Я работал журналистом, меня редактор постоянно строжила за лишние запятые. Но у нас было много почты, письма шли как раз от малограмотных крестьян. Так вот, они вообще не признавали знаки препинания. Ещё смущает вот это. Товаришшу Дзяржынскаму! Очень похоже на издевательство.

– Мне почему-то тоже так показалось, – кивнул Кедров. – Хорошо, что эту записку передали не Феликсу, а мне. Если бы она попала сразу к Эдмундовичу, у вас могли быть проблемы. По крайней мере, вас бы допрашивали другие люди.

– Кстати, а что это за история с гранатой? – спросил незнакомец.

Я посмотрел на Михаила Сергеевича, но у того тоже был несколько изумленный вид. А что, разве Лосев ему не доложил?

– Вчера, когда нашу группу отправили охранять съезд, а также товарища Ленина от возможных покушений, я обнаружил в женском туалете гранату. Сам её извлекать не рискнул, потому доложил об этом товарищу Лацису, а тот отправил своего человека. Гранату из туалета изъяли, к сожалению.

– Почему «к сожалению»? – удивился незнакомец.

– Владимир Иванович хочет сказать, что можно было установить наблюдение, а потом выйти на владельца гранаты, – усмехнулся Кедров. – Но Лацис решил не рисковать.

– А разве нельзя было вытащить запал?

– Думаю, можно, но здесь дело в другом. Задача Лациса – охрана Владимира Ильича, а не ловля заговорщиков. Впрочем, проще позвонить самому Лацису.

Кедров кивнул незнакомцу, тот сразу же вышел.

– Это мой заместитель, – сообщил Кедров, но фамилию зама отчего-то называть не стал. – В нашем отделе он станет заниматься внутренней контрразведкой.

– Отдел внутренних расследований?

– Что-то похожее, – кивнул начальник. – Но отдела у нас ещё нет, будет ли – это уже не мне решать, а тем, кто выше.

Заместитель вернулся минут через пять и сообщил:

– Лацис просил ещё раз поблагодарить товарища Аксенова за предотвращение покушения на товарища Ленина. Он выйдет с официальным ходатайством на товарища Дзержинского о награждении Аксенова. Сотрудник, не проверивший туалет, строго наказан – предупрежден о неполном служебном соответствии.

– Что означает, он может быть расстрелян за малейшее нарушение приказа или дисциплины, – пояснил Кедров.

– Сурово, – покачал я головой. Подумав ещё немного, вздохнул: – А товарищ Лацис совершенно прав. На первом месте стоит жизнь товарища Ленина, а всё остальное – на втором. И меня не награждать нужно, а расстреливать. Получается, моя идея могла представлять угрозу для товарища Ленина!

Вслух я не стал говорить о том, что реально это означало использовать вождя мирового пролетариата в роли «живца»! Где гарантия, что мы сумели бы «укараулить» злоумышленника и он не пронёс бы гранату в зал? Такие операции наспех не делаются, их нужно готовить тщательно.

– Товарищ Аксенов, вы действовали из лучших побуждений! – строго произнес заместитель начальника военного отдела ВЧК. – И гранату обнаружили именно вы, так что вам не за что себя винить.

– Кстати, а как вы догадались осмотреть женский туалет? – задал мне Кедров вопрос, который в моё время показался бы смешным. Какая разница, что за туалет, женский или мужской? Или время ещё такое, что спецслужбы разводят какие-то китайские церемонии?

Я начал лихорадочно думать, как бы мне поубедительнее соврать, но смог лишь вспомнить классика американской литературы.

– Просто мне отчего-то вспомнился Эдгар По, – начал я фантазировать, но посмотрев на удивленные лица начальника и заместителя, пояснил: – Эдгар Аллан По классик американской литературы. Как у нас Пушкин. – Если честно, я не был уверен, что в тысяча девятьсот восемнадцатом году Эдгара По уже начали считать классиком, но отступать было некуда: – Есть у него три рассказа, где действует главный герой Огюст Дюпен, детектив, что-то вроде Шерлока Холмса, так вот, в рассказе «Неотправленное письмо» Дюпен рассуждает о мальчике, что постоянно выигрывал в «чет» и «нечет».

– А можно покороче? – перебил Кедров мой литературоведческий монолог.

– Прошу прощения, – сделал я смущенный вид, хотя уже успел сформулировать ответ. – Как известно, после пожара начинают проверять противопожарные средства – багры там, песок. Как в сегодняшней лекции господина полковника, что о контрразведке стали задумываться, когда получили плюху в русско-японской войне. Так вот... В августе в товарища Ленина стреляла женщина. Возможно, если бы это был мужчина, покушение не удалось бы, но женщины всегда вызывают меньше подозрений. Можно предположить, что мы теперь станем относиться к женщинам с повышенным вниманием. Но! Наш противник может рассуждать так – большевики отнюдь не дураки, они понимают, что снова женщину не пошлют! А если мы снова отправим женщину?

– Владимир Иванович, bravo! – заплодировал мне Кедров уже во второй раз. – Я опять поражаюсь ходом ваших мыслей! А как, говорите, зовут писателя?

– Эдгар Аллан По, но некоторые переводчики именуют его Аллейном Поупом, ещё как-то.

– Артур, а ты читал Эдгара По? – обернулся Кедров к своему заместителю, а тот лишь пожал плечами и ответил:

– Слышал о таком, но не читал.

Артур? Уж не тот ли самый Артур Фраучи, он же Артузов, легенда советского ВЧК-НКВД, человек, организовавший арест Савинкова и Сиднея Рейли? Фотографий Артузова я не помню, а сам он не походил ни на Армена Джигарханяна, ни на Гирта Яковлева, сыгравших его в разных фильмах. Впору просить автограф или делать селфи. Впрочем, всё равно никто не поверит. Странно только, что они не читали Эдгара По. Впрочем, они наверняка читали те книги, о которых я слышал и даже видел, но ни за какие коврижки читать бы не стал. Например, «Капитал» Карла Маркса.

– А я-то думал, откуда вы знаете американскую поговорку о кошке и любопытстве? Я сам её слышал в Лозанне от знакомого американца, был очень удивлен, услышав её здесь, в Москве. Стало быть, кроме латыни вы знаете английский язык?

– Михаил Сергеевич, помилуйте! – вскинулся я. – Я уже и церковно-славянский не помню, а меня этому языку в семинарии обучали! Да что там – я уже и русский язык забыл. Вон, постоянно путаю, где «е» ставить, а где «ять». А английский... Мне Вальтер Скотт всегда нравился, Чарльз Диккенс, Льюис Кэрролл. А наш преподаватель говорил, что настоящее чтение может быть только на языке оригинала. Вот я и пытался читать английские книги со словарем. Текст прочитать сумею, а говорить – никак!

Вот тут я не погрешил против истины. Мои познания в иностранных языках были не самыми лучшими, но, скажите, сумел бы я работать в сфере безопасности промышленности, если бы совсем не знал английского?

Я потом много раз пожалел о своем длинном языке и о том, что вообще стал говорить об Эдгаре По, из-за чего Кедров довольно быстро «выбил» из меня признание. И чего было не сказать, мол, Каплан была женщиной, сразу и подумал о женском туалете! Ну, теперь отдувайся.

Глава четвертая

О несостоявшемся приезде вождя, но уже без Эдгара По

Я бы уволил дежурного с Лубянки. Какое обеспечение секретности, если любой человек с улицы может явиться в главный оплот революции, показать мандат участника молодежного съезда, и ему сообщат секретные данные? Заодно нужно уволить и нашего коменданта, пропустившего одного человека в наше общежитие. Только одно может смягчить их вину, потому что этим человеком была Полина. В этой девушке наивность ребенка сплеталась с настырностью. Если она что-нибудь захотела – достигнет!

– У нас перерыв в работе на целые сутки, – похвасталась Полина, с любопытством озирая нашу казарму.

Помещение выглядело более-менее прилично, но всё-таки присутствие двадцати здоровых мужиков на довольно тесном пространстве – это нечто! Хотя и пытались поддерживать порядок, но это же не армейская казарма, где есть всякие разные сушилки, каптерки и прочее. У нас же на бельевой веревке висели сушившиеся подштанники, портянки. Думаю, хуже могло быть только женское общежитие, если собрать в одной комнате двадцать девок.

Я посмотрел на Лосева. Тот уже повинился передо мной, что не доложил Кедрову о гранате, но причина была уважительная: лично начальника Военного отдела не видел, а звонить тому в кабинет не стал. Решил, что дело не срочное, может и подождать. Теперь старший испытывал угрызения совести. У нас сегодня ничего серьезного не предвиделось, разве что лекция, но прогуливать занятия может не только студент истфака, но и чекист. Сам пару раз сбегал с лекций в нашей школе, и ничего.

– Отпустите в увольнение, товарищ командир? – поинтересовался я.

Наш старший задумчиво поскреб затылок. Посмотрел на Полину, потом на меня.

– Увольнительная с ночевкой или без?

– Да что вы себе позволяете? – вспыхнула Полина. – Я честная девушка!

– Девушка? – изумился Лосев. – Так вы же свою фамилию назвали – Аксенова. Я думал, что вы жена.

– Пока только невеста, – потупилась девушка. – А фамилию взяла, чтобы документы после свадьбы не менять.

– Вон оно как! – покачал головой командир. – Ну, раз невеста, то увольнение до двадцати четырех ноль-ноль. – Когда Полина вышла, Лосев, поймав меня за рукав, шепнул: – Володя, если задержишься до утра, на всякий случай в дежурку позвони!

Как и любые провинциалы, приехавшие в Москву впервые, мы отправились на Красную площадь. Надо бы ещё на ВДНХ, в парк Зарядье, на Патриаршие пруды, но этот список в обязательной экскурсии гостей города появится позже.

Проходя мимо одного из красивых зданий, Полина похвасталась:

– А нас с девчонками в Доме Советов поселили!

Я присвистнул. В Доме Советов – вернее, во «Втором Доме Советов», бывшей гостинице «Метрополь», жило руководство страны. Может, не первые люди государства – эти жили либо в Кремле, либо в «Первом Доме Советов» – бывшем «Национале», но всё-таки персоны значительные. Значит, правительство очень заботится о будущих вожаках молодежи. Вот нас, например, в таких гостиницах не поселили, а засунули в курятник на Лубянке.

– Нас на съезд должно было двести человек приехать, по количеству членов в губсоюзах – один делегат от ста, но не все приехали. В начале собрания сказали, что собралось сто

семьдесят шесть человек. Правда, уже меньше осталось. Вон моя соседка по комнате в первый вечер гулять ушла, да куда-то пропала.

При словах о соседке у меня что-то щелкнуло, но Полина опять начала меня убалтывать.

– Нас, девок, всего двенадцать штук приехало, потому нас в Доме Советов и поселили, а парней куда-то в другое место. Но мы с Викой вдвоем в одну комнату попали, а остальные вчетвером. Я-то вчера хотела попросить, чтобы ко мне кого-нибудь подселили, скучно одной.

Полина болтала без умолку, но я пропускал мимо ушей половину слов, обдумывая вчерашний разговор с Кедровым и Артузовым. Мы тогда пришли к выводу, что записку мог написать кто-нибудь из нашей группы, а исполнителем должна стать девушка из состава делегации. Вполне возможно, что кто-то из наших и засунул гранату, вопрос лишь кто? И почему решили оболгать именно меня? Месть за срыв покушения? Маловероятно. Как правило, в этом случае не мстят. Артузов пообещал, что сделает графологический анализ записки, сравнит его с образцами почерка всех чекистов-курсантов. Не сам, конечно, попросит специалистов. А образцы почерка надо будет собрать. Первым, кто оставил свой автограф, был, разумеется, я. Покамест мне велели сидеть тихо, лишнего внимания к себе не привлекать, но нужные телефоны я получил. Мало ли что... Конечно, у меня теперь всё зудело, чтобы позвонить Артузову, но телефоны-автоматы в Москве ещё не появились.

Пока болтали (вернее, она болтала, а я только слушал), дошли до Красной площади. Памятника маршалу ещё нет, но Исторический музей на месте, кажется, даже красивее, чем в наше время или просто кирпичи не успели «состариться»?

Красная площадь вроде бы и такая, но не такая. Нет привычного Мавзолея, зато есть трамвайные рельсы, но, похоже, трамвай давно здесь не ходит, потому что на них устроили стоянку извозчики. Ага, памятник гражданину Минину и князю Пожарскому не на своем привычном месте, поближе к Собору Василия Блаженного, а слева, если смотреть от музея.

А вот хваленые двуглавые орлы, ещё не снятые с башен, мне не понравились. И золото какое-то тусклое, в потеках, и вообще. А может, красные звезды привычнее взгляду советского (и постсоветского) человека?

– Ага, нам вон туда надо! – уверенно махнула рукой Полина в сторону Васильевского спуска и Москва-реки.

Ну, надо так надо. Мне, в сущности, всё равно.

Я уж решил, что Полина собирается погулять со мной по набережной, но всё оказалось проще. Вдоль Москва-реки выстроились торговцы разным товаром – от съестных припасов до антиквариата и бутылей с керосином. Вот те раз! Я, разумеется, не удивлен, что в Москве существует рынок (думаю, что не один), но чтобы он находился рядом с Кремлем, чуть ли не в шаговой доступности от кабинетов главных руководителей страны, ярых противников частной торговли, о таком даже подумать странно! Знаю, что когда-то торговля шла прямо на Красной площади и Дмитрий Самозванец вместе с Маринкой Мнишек ходили выбирать себе товары, но теперь?

Мы шли вдоль торговцев, показывавших свой товар – открыто, но кое-что из-под полы. Совершенно свободно продавалась женская и мужская одежда. Я было начал присматривать себе костюмчик (нельзя же всё время ходить в гимнастерке), но, узнав цену – пять тысяч рублей, лишь присвистнул и отошел в сторону. Мне за такой костюм надо шесть месяцев вкалывать, а у меня не самая маленькая зарплата в Советской России!

Полина целеустремленно шла по рядам, небрежно отмахиваясь от предложений, и была по рукам самых назойливых, норовивших ухватить покупателя за край одежды. Вот что-то она наконец нашла среди женских тряпок.

– Вовк, ты погуляй пока, тут такое...

Ясно-понятно, как говаривал один мой коллега. Как же девушке без новых кофточек или без модных юбочек? Терпеть не могу (или не мог?) ходить с женой по магазинам за покупками.

Мне самому просто – пошел, померил для проформы пару вещей и купил то, что более-менее подходит. А тут будет целый процесс. И хорошо, если обойдется одним-двумя магазинами, обычно надо пройтись по пяти, не меньше. И мои советы: мол, нормальненько так, бери и не думай, обычно игнорируются. Раньше хоть дочь с мамкой ходила, но теперь выросла, вышла замуж и переехала жить в другой город.

Зато неподалеку обнаружился дяденька-книжник. Такой, как и положено – старенький, в очечках и почему-то в берете. Книги разложены прямо на рогожном мешке!

В восемнадцатом году самым трудным для меня стало сидеть без книг. Отсутствие телевизора и Интернета пережить можно, но без книжек я потихонечку завывал. Спасало только то, что свободного времени оставалось мало, но всё равно, если оно отыскивалось, руки тянулись к какой-нибудь книге. Увы, Череповецкая общедоступная библиотека могла предложить лишь классиков, которых я прочитал ещё в школе, а возвращаться к прочитанному не хотел. Ну не лежала душа к монументальному графу Толстому или психологическому Достоевскому. Мне бы чего попроще – фэнтези или про «попаданцев», что изготавливают автомат Калашникова прямо на коленке. Но из «попаданцев» нашелся лишь «Янки из Коннектикута», устроивший промышленный переворот при дворе короля Артура, и всё. А из тех авторов, что сейчас нарасхват, меня почему-то не вдохновлял ни Эртель с его «Гардениными», ни Крестовский с «Трущобами», а уж от Игнатия Потапенко, названного заведующим библиотекой «молодым классиком, превосходящим Чехова и Толстого», на меня вообще нападала тоска. Не слышал о таком классике, как Потапенко, но всё могло быть. А вот Антон Павлович, у которого я читал лишь «Тонкий и толстый» с «Хамелеоном», что называется, «покатил», и я пришел к выводу, что классик это не тот, кого оным считают, а тот, кого интересно читать. С удовольствием перечитал «Иуду Искарюта» Леонида Андреева, начал спрашивать «Дневник сатаны», но о нём почему-то никто не знал³.

У книжника оказалось штук двадцать разрозненных томов «Полного собрания законов Российской империи» от 1832 года, десять переплетенных выпусков «Народное хозяйство России», исследования под изданием действительного члена Императорской Академии наук В. П. Безобразова, где давалась оценка различным промышленным областям России. В иное время хватанул бы, не глядя, теперь не стал. Были ещё сочинения Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, «Рокамболь» и приключения Арсена Люпена. При этом пять томов Салтыкова-Щедрина, переплетенных в кожу, букинист оценивал в два рубля, а дешевые книжонки в мягком переплете Понсона дю Терра по рублю каждая!

Впрочем, по спросу и предложение. Я уже собирался уйти, как вдруг узрел «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна, первое издание в России. Не колеблясь, заплатил три рубля, сунул покупку за пазуху.

Теперь бы прикупить чего-нибудь вкусенького. И Капку (тьфу ты, опять!), то есть Полин-ку порадовать, да и себя.

Будь я в кожаной куртке, шиш бы мне что-то продали. А парню в солдатской шинели удалось купить с полфунта чая, именуемого здесь «цыбиком» (цыбик, сколь помню, был больше, или я что-то путаю?), фунт сахара и даже два фунта пряников. Пряники сомнительной свежести, но, надеюсь, их испекли не до Октябрьской революции, а чуть позже. Ещё удалось купить десять лезвий для станка. Я-таки обзавелся безопасной бритвой, а вот лезвия к ней отчего-то оказались страшным дефицитом и в Череповце продавались едва ли не по десятке за штуку. А здесь – десять лезвий за пятьдесят рублей, даром!

Конечно, чекисту, который «революцией мобилизован и призван», покупать товары и продукты на «черном рынке» не очень прилично, но что делать? Если я сейчас начну трясти мандатом, то торговцы просто разбегутся, а я останусь без лезвий и без вкусняшек. Двучич-

³ Еще бы! «Дневник сатаны» будет написан годом позже, в 1919 г.

ный я человек, наверное. И вообще, сейчас бы ещё прикупил на рынке пластиковый пакет, не пожалев на него оставшихся денег. Здесь народ ходит по магазинам с корзинками, кошелками и мешками. Авоську ещё не изобрели. Хорошо, что карманы солдатской шинели очень объемистые, но они теперь раздулись и выглядят некрасиво. Раньше, говорят, имелись специальные посыльные, «Красные шапки», доставлявшие пакеты с покупками за смешные деньги – пятьдесят копеек. Хотя до революции это не такие и смешные деньги.

Надо ещё что-нибудь прикупить посущественнее. Я уже положил глаз на краковскую колбасу, собираясь прикупить половину кольца (тетка назвала этот круг «коляской»), и уже полез за деньгами, как моя рука была остановлена.

– Вовк, ты что, ошалел?

Полина ухватила меня под руку и потащила от колбасы.

– Ты чё, не знаешь, из кого в Москве колбасу делают?

Мне так и вспомнился профессор Преображенский, говоривший своей секретарше, что «девушке нельзя тащить в рот такую дрянь!».

– А что, краковскую делают из мертвецов?

– Из собак её делают! – уверенно заявила Полина. Остановившись возле какой-то тетки, повела носом: – Вон, тут свежими калачами пахнет. Давай лучше их купим, только у меня денег нет, все потратила.

За двадцать рублей тетка выдала нам четыре ещё теплых калача, завернув их в старую газету.

Упихивая калачи под шинель, чтобы не остыли, я мысленно усмехнулся. Как меняется время. В детстве, помнится, мы складывали в авоську и бутылку с молоком, и буханку черного хлеба, без всякого пакета и ничего!

В газету заворачивали и крупу, и конфеты без фантиков, в общаге она расстилалась на стол вместо скатерти, не говоря уже о том, куда ходили с газетой, а потом выяснилось, что это вредно и что типографская краска очень опасна! И вот я снова заворачиваю в лист бумаги, испачканный типографской краской, продукты. И ничего.

В руке у Полины тоже сверток из газеты. И глазенки блестят, мордаха счастливая. Много ли надо женщине...

– Калач будешь есть? – предложил я.

Полина кивнула, и уже скоро мы шли по Красной площади, наворачивая вкусные калачи. Прикончив один, я хотел вытащить второй, но девушка меня остановила:

– Пошли лучше чай пить. А чё, мы калачи всухомятку есть станем?

– А куда? – спросил я, прикидывая, где здесь можно попить чаю, но ничего подходящего не вспомнил.

– Так в Дом Советов пойдем, ко мне. У меня в комнате примус есть и чайник. Правда, – взгрустнула девушка, – мы с Викторией всю заварку спили и сахар слопали.

– Хм, – я многозначительно похлопал себя по карманам, – у меня тут, как в Греции, всё есть!

– Вовк, ты молодец! – обрадовалась Полина, пытаясь обнять меня, но едва не выронила сверток. На фразу она внимания не обратила.

В бывшем «Метрополе», за оставшейся с прежних времен стойкой дремал человек в фуражке, за спиной которого висели ключи от комнат. Человек встрепенулся при нашем появлении, но Полина махнула в воздухе бумажкой, пробормотав, что она делегатка, взяла ключ, а я даже не стал доставать удостоверение.

– Вот, смотри! – торжествующе сообщила девушка, пропуская меня внутрь комнаты. – Я тут как барыня живу!

Судя по всему, это был одноместный номер, не из лучших. Кровать с диваном, зеркало, стул и столик. Ещё туалет с ванной, но вода текла только холодная. А ещё присутствовал запах табака. Хм.

Пока я раздевался, осматривался, девушка уже успела поставить чайник на примус.

– Вовк, пока чайник кипятится, я обновку примерю, а ты посмотришь.

Полина зашла в ванную комнату, а когда вышла... В общем, я едва не сел. Девушка была в панталончиках с кружавчиками, чуть выше колен. А сверху – ничего.

– Ну как? – поинтересовалась девушка, а потом громко ойкнула, попыталась прикрыть руками грудь и скрылась в ванной.

Ага. Я что, железный, что ли?

– Вовк, ну не надо... Вовк, дурак, порвешь... Да подожди ты, сама сниму...

Спустя какое-то время, когда мы лежали, уставившись в потолок, Полина вздохнула:

– Ну и чего все про это болтают? Ничего особенного... и простыни испачкали, как кровь отстирывать будут? А, плевать.

Потом её словно подбросило:

– Мы же про чайник забыли!

Чайник успел выкипеть, но, к счастью, днище не прогорело. Мы подождали, пока он остынет, опять налили воды и принялись ждать. Так и сидели голыми, как два дурака. Но потом я кое-что вспомнил.

– Полинка, а как у твоей соседки фамилия?

– Фамилия у неё Викторова. Я ещё удивлялась – Виктория Викторова. Знаю, что девчонка из Петрограда. Но больше ничего сказать не могу. Даже не сказала, кем работает, где. Всё больше молчала, курила напропалую, как паровоз – у нас так парни не курят, вчера еле проветрила. Ещё и бледненькая какая-то. Как гимназисточка! Я думала – может, беременная? А как пропала, так, может, врача пошла искать?

Я только пожал плечами, а потом принялся одеваться.

– Ты куда? – удивилась Полина. – А чай пить?

– Мне надо начальству позвонить. Видел, что на вахте телефон есть. Ты начинай хозяйничать, я скоро.

Выложив на столик покупки, пошел вниз. Попросив вахтера (или кто он там) отойти, для убедительности потрясая мандатом, позвонил сначала Артузову. Ну а потом и Лосеву. Надо же сообщить старшему группы, где нахожусь, и предупредить, что до утра не приду.

Глава пятая

Радикальная коммунистка

Настроение было кислое. Вчера Полина чем-то отравилась – вроде в одной столовке кормились, но мне хоть бы хны, а её скрутило, и оставшаяся часть дня, на которую я строил свои планы, прошла не так, как хотелось. Пришлось бежать в аптеку. Фармацевт попытался всучить мне какие-то чудодейственные пилюли, но я предпочел обойтись проверенным средством – активированным углем, отчего-то расфасованным в пакетики.

Мадмуазель, страдающая, пардон, от диареи, упиралась и не желала лопать черную дрянь, но ей пришлось проглотить целых пять штук. Может, я и переборщил, но от активированного угля хуже не будет.

А старое средство действительно помогло. Скоро девушке полегчало, и ей захотелось есть. К счастью, сегодня делегатам съезда выдали по целому фунту риса и, отделив горсточку, я сварил его прямо в чайнике. Полина капризничала, ныла, что рис-то следовало предварительно промыть, лучше в двух водах, а не то он будет горчить, но слопала.

– Слушай, Вовк, а ведь лучше стало! Только ты ко мне сегодня не приставай, ладно? А не то у меня брюхо побаливает.

Мне ничего не оставалось делать, как вздохнуть:

– Сегодня не буду. Только я тебя тоже хочу кое о чём попросить. Ты можешь меня больше не «вовкать»?

– А чё такого? – удивилась Полина. – Вовка – нормальное имя.

– Вовка – нормально. А вот «Вовк» терпеть не могу. Я когда слышу «Вовк, да Вовк», хочется в тебя чем-нибудь кинуть.

– У тебя же имя как у товарища Ленина!

– Ага, – кивнул я. – Так себе и представил, как Надежда Константиновна говорит мужу: «Эй, Вовк»!

Полина расхохоталась. Наверное, представила, как Крупская «вовкает» товарища Ульянова-Ленина. Отсмеявшись, вытерла слезы. Пожаловалась:

– У меня снова живот заболел, от смеха, – призналась барышня. Упрекнула меня: – Если не нравится, чего молчал? Тебя как лучше – Вова звать или Володя?

– Да без разницы, – отмахнулся я. – Зови хоть Вова, хоть Вовка, но только не Вовк.

Кажется, Полина уже окончательно оклемалась. Хм... это обнадеживает.

– Слышь, Вовк, ой, извини Володя, ты мне скажи, а ты ругаться не будешь?

– А что такое? – насторожился я. Надеюсь, она ещё не успела сделать свидетельство о заключении брака? С неё станется.

– Ты же мне денег оставил, а я их потратила.

После покупки штанишек у Полины не осталось ни копейки, пришлось отдать ей половину своих. Оставаться в Москве совсем без денег не хотелось. У меня, правда, ещё оставалась «заначка» – золотой червонец, но его я пока решил попридержать.

– И что ты купила?

Думал, что на сей раз приобрела какой-нибудь бюстгальтер, но она сунула руку под подушку и торжественно предъявила палец с колечком – узенькая золотая полоска, а на ней синенький эмалевый цветочек и крошечный красный камушек в серединке. Слава богу, не обручальное!

– Я, когда к нашей гостинице подходила, смотрю, на углу старушка стоит, из бывших. Может – графиня, или целая камергерша! Говорит: «Купите колечко, барышня, двести рублей

всего». Мол, всё уже продала, а кушать хочется. Мне колечко понравилось, да и старушку жалко.

– Так у тебя же только сто рублей было? – удивился я.

– Пятьдесят, – уточнила Полина. Тяжело вздохнув, сообщила: – Я тут ещё платочек купила. А камергерша и на пятьдесят согласилась. Мол, лучше, чем ничего.

Вот ведь, мартышка малолетняя! Мне стало смешно. Наверное, женщина останется женщиной, даже если она пламенная комсомолка.

Оставив себе двадцать рублей, остальные вручил барышне. Нехай тратит! Но золотую десятку «замылил». За червонец на черном рынке дают уже три тысячи рублей советскими кредитными билетами. Отдай, так ведь истратит на какие-нибудь чулочки-пantalончики.

– Кстати, у тебя животик ещё не прошел? – заботливо поинтересовался я, протискивая ладонь под сорочку и начиная ласкать нежную кожу. – Я сейчас тебе брюшко поглажу, всё пройдет.

– Ой, Вова, щекотно же... И тут уже и не брюшко вовсе.

И тут в дверь постучали. Кто-то из нас выругался. Возможно, это был и не я, а Полинка. Но пришлось идти к двери и открывать.

На пороге стоял бледный охранник, мявший в руках фуражку.

– Товарищ Аксенов, тут такое дело. С Лубянки звонили, от товарища Кедрова, вам велено срочно явиться.

Да чтобы тебя разодрало, товарищ Кедров, вместе с Лубянкой! Но пришлось спешно всовывать руки в рукава шинели, запрыгивать в сапоги, быстренько чмокнуть Полинку и бежать.

В допросной комнате мы были вдвоем: я за обшарпанным столом, напротив – девушка на табурете, ножки которого утоплены в пол, да ещё и зацементированы. Говорят, это сделали после того, как один из подследственных огрел табуреткой чекиста, ведущего допрос.

Девушкой можно было любоваться и представлять её на картинах великих художников – длинная русая коса до пояса, тонкий профиль, изящный носик. Под стать и одежда – черное платье с белым отложным воротником. Всё достаточно скромно, но со вкусом. Пальто с песцовым воротником и песцовая шапка в тон остались в камере. Собственно говоря, именно по пальто и шапочке её и отыскивали, а описать внешность, одежду помогли девушки из делегатов, включая Полину Аксенову. Несколько часов назад не чекист даже, а красногвардеец, дежуривший на Николаевском вокзале, обратил внимание на странную девушку, пытавшуюся купить пачку папирос и сердившуюся, что ей предлагали махорку. Девушка очень нервничала. Постовой сообщил о том нашему сотруднику. К слову – надо бы этого постового порекомендовать на службу в ЧК.

Вот, стало быть, это и есть похожая на гимназистку и загадочно пропавшая соседка Полины по комнате. Только настоящая Виктория Викторова, мотальщица из «Товарищества Невской ниточной мануфактуры», сейчас в Петрограде и очень удивлена, что ей отказали в поездке на съезд РКСМ, хотя на её предприятии трудится сто пятьдесят девчонок, ставших благодаря её усилиям членами союза социалистической молодежи. А кто сейчас передо мной, я покамест не знаю, потому что «гимназистка» отвечать на вопросы отказывается.

– Владимир Иванович, – сказал Кедров, улыбнувшись своей загадочной улыбкой. – Ваш прежний начальник, Николай Харитонович, рекомендовал вас как нестандартно мыслящего сотрудника. Он мне рассказывал, как вы сумели добиться признания у террористов, пытавшихся взорвать мост. Не хотите ли поработать с девушкой? Никак не хочет она на наши вопросы отвечать, а применять к ней грубые методы не хочется. Да и Феликс Эдмундович, если узнает, не одобрит.

Что да, то да. Наверное, у Дзержинского много недостатков, но среди них не числится садизм, он не сторонник выколачивания из подследственного правды. И дело даже не в жалости, не в гуманизме. Всё гораздо проще. Одно дело использовать пытки против явного врага

(разведчик, схвативший противника прямо на фронте, миндальничать с ним не станет), совсем другое, если имеешь дело с потенциально невиновным. Конечно, под пытками он тебе всё расскажет, во всём признается, только какой смысл в таком допросе? Это уже не допрос, не получение объективной информации, а подтасовка фактов, выгодных следователю. А в результате такого допроса пострадает общее дело.

Допрашивать девушку не хотелось. И не потому, что девушку жалко, а потому, что не уверен, что у меня что-то получится. Барышни, как знал из прошлого опыта, бывают покрепче иного мужчины. А если замешана любовь, считайте, что проиграли. Не сдаст и не выдаст! Но если начальник предлагает попробовать, придётся пробовать.

– Попробую, – скромно сказал я, а про себя подумал, что надо бы отыскать где-нибудь коробку папирос.

Я продумал несколько вариантов допроса, но ни один из них, по моему разумению, для этой девушки не подходил. Видно, что из «бывших», на простенькую провокацию не клюнет, а на сложную комбинацию времени нет. На увещевания – такая молодая, а уже террористка! – не отреагирует. Если даже она и младше меня, то ненамного. «Разводку» – мол, зачем же вы твари, хорошую девушку убили, чтобы на съезд попасть, пока придержим.

Значит, будем импровизировать и убалтывать. Она не профессиональная подпольщица, не уголовница, проколется всё равно.

Выложив на стол желтенькую пачку папирос, убедился, что есть пепельница, прочитал вслух надпись:

– Папиросы «Театральные», десять штук, по цене шесть копеек. Представляете, а с меня за них десять рублей содрали! – пожаловался я девушке.

У барышни дрогнули ноздри, и она уже искоса посматривает на коробку, слегка прикусывая нижнюю губку.

– Кстати, а вас не Ирина зовут?

Несколько удивленный взгляд. Слегка презрительная гримаска и легкое мотание головой – мол, нет, не Ирина.

– А я, представьте себе, другие папиросы вспомнил, – широко улыбнулся я. – Как там у классика? Оставим себе от старого мира только папиросы «Ира»! Или не так?

Глаза широко распахнулись, а ротик открылся, чтобы спросить:

– Какого классика?

Ах ты моя милая! Ну вот ты уже начала говорить.

– У Маяковского, у Владимира Владимировича.

– А что, этот паяц уже стал классиком?

Ты что, дорогая, не любишь самого революционного поэта? Надо исправляться. Владимир Владимирович столько положил таланта для рекламы «Моссельпрома»! Тьфу ты, какой «Моссельпром»? Он же появится вместе с нэпом. Если она гимназистка, то надо убалтывать чем-то другим.

– Мне тоже больше Кондратьев нравится, – начал я уходить от темы. – Вот послушайте:

Тяжела наша жизнь и сурова.

Избегают мужа сатиресс.

Я всечасно должна быть готова,

Что супруг от семейного крова

Удерет легкомысленно в лес.

Он стремится туда, убегая,

Где бесстыдно и звонко смеясь,

Ждет сатиров дриада младая⁴...

– Дальше не надо, – попросила девушка, хотя я и сам был готов остановиться, потому что не помнил, как там дальше. – Я читала стихи Кондратьева, мне не понравились. Проза у него неплоха, а как поэт он слабый. Блок всё равно лучше.

– Так кто бы спорил? – картинно всплеснул я руками. – Александр Александрович – наше всё! Да, а вы тоже, как Блок?

– Что «тоже»? – не поняла девушка.

– Не возражаете, если я закурю?

Похоже, девушка удивлена, что чекист спрашивает разрешение закурить, но милостиво кивнула:

– Курите.

Я нарочито медленно достал папиросу, смял мундштук, поднес к губам и чиркнул спичкой. Затянулся, надеясь, что не закашляюсь. Не курил давно, а вот, поди же ты, приходится. И что не сделаешь ради важного дела, простите за тавтологию.

– Можно и мне? – попросила девушка.

Милая, я же их для тебя и покупал! Конечно, можно.

Жадно затянувшись, девушка в блаженной истоме закрыла глаза. Затянувшись ещё раз, нервно спросила:

– Так что там у Блока? Вы начали говорить, но не досказали.

Покорный ласковому взгляду,

Любуясь тайной красоты,

И за церковную ограду,

Бросаю бомбу и стихи.

– У Блока нет такого! – возмутилась девушка.

– Это не Блока, это пародия Виктора Полякова. Только вы, девушка, бомбу не успели бросить.

– Не успела, потому что её латыши нашли. Рыцари революции, не стесняющиеся по женским туалетам шнырять, – презрительно сказала девушка.

– Значит, это были всё-таки вы? А я думал, начнете изворачиваться.

– А зачем? – хмыкнула девушка. – Всё равно расстреляете.

– Ну, это не я решаю, а трибунал. Но пока ваши анкетные данные выясняют, времени много пройдет. Может, он и передумает, заменит расстрел хозяйственными работами. Вы же ущерб нанести не успели.

– Можно ещё одну? – спросила юная террористка и, не дожидаясь ответа, вытащила из коробки папиросу.

⁴ Кондратьев Александр. «Жалоба сатирессы».

Выкурив её в три затяжки, потянулась за следующей, но я отодвинул коробку. Этак моей зарплаты для подследственных не хватит. И так, благодаря Полине, всего десять рублей осталось.

– Давайте вначале выполним кое-какие формальности, – мягко предложил я, потянувшись за ручкой. – Ваша фамилия, имя, отчество, социальное положение. Как я полагаю, вы принадлежите к партии социал-революционеров?

За последнее время я уже вполне сносно научился управляться перьевой ручкой и чернилами. Всё дело в практике.

Итак, Софья Николаевна Ананьевская, дворянка, девятнадцати лет, выпускница женской гимназии, член РСДРП (б) с августа тысяча девятьсот восемнадцатого года.

– Социал-демократической партии? – растерянно спросил я. – Вы, наверное, хотели сказать – российской коммунистической партии большевиков?

Стоп. Почему большевиков? Террористка и большевики?

– Я хотела сказать ровно столько, сколько хотела сказать. Мои товарищи и я не приняли резолюцию шестого съезда партии об исполнении программы-минимум. Поэтому мы не считаем нужным становиться членами новой партии.

Напротив – именно наша партия является истинными коммунистами, а не РКП (б).

– Позвольте, – пожал я плечами. – Буржуазно-демократическая революция совершена, в России установлена социалистическая республика. Всё, что было в программе от тысяча девятьсот третьего года, выполнено. Сейчас идет работа по созданию новой программы партии. К тому же, хочу напомнить, создателем программы-минимум является товарищ Ленин, глава нашего правительства.

– А как же Польша? Скажете, это Временное правительство? Ладно, тогда Финляндия. К тому же из-за Брестского мира Россия потеряла Малороссию, Прибалтику, что там ещё? Значит, социалистическая революция в стране не завершилась. А кто позволил окраинам уйти от нас? Разве не псевдобольшевики? А Ленин, в сущности, предал интересы партии и народа. Он заявил об установлении диктатуры пролетариата, а где пролетариат? Скажите, сколько среди наркомов пролетариев?

Я вспомнил только Шляпникова, вроде бы работавшего когда-то токарем, но девушка меня не слушала:

– Заявляя о диктатуре пролетариата, большевики боятся видеть во власти пролетариат, разве не так?

Вот это да! Радикальный социализм, переплетенный с великодержавным шовинизмом! Но моё дело не разбираться в идеологических факторах, мне бы что-то попроще, поближе к делу.

Да и рассуждать о кухарках, управляющих государством, тоже не хочется. Кстати, так и не сумел нигде отыскать – где товарищ Ленин об этом говорил? У Шатрова в пьесе есть фраза о том, что «кухарка должна учиться управлять государством!». Но управлять и учиться управлять – две большие разницы! А вот говорил ли Ленин, не говорил, сказать трудно. У нас и так любят цитировать известных людей, не задумываясь, они сами сказали или литературный персонаж. Вон сколько раз читал, что Сталин сказал: «Нет человека, нет проблемы», хотя это сказал не Иосиф Виссарионович, а Анатолий Рыбаков вложил эти слова в его уста.

Ладно, отвлекся.

– То есть вы и ваши товарищи хотели убить товарища Ленина, потому что он отошел от своих же принципов, так?

– Именно так! Если уничтожить нынешнего лидера партии и правительства, начнется хаос. Вот тогда-то власть в стране перейдет в руки настоящего пролетариата!

Ой-ой-ой! О переходе власти в руки истинного пролетариата ничего не могу сказать, но хаос начнется и ещё какой! Разумеется, партия может быстро прийти в себя, избрать нового

вождя, но может начаться и борьба за власть. А тут ещё и эсеры с меньшевиками, и белое движение. А вскоре, как помнится, в Сибири объявится Колчак.

– Софья Николаевна, но ведь и вы не пролетарка, не какая-нибудь инструментальщица или уборщица служебных помещений, а урожденная дворянка. Вас не смущает, что вы ратуете за пролетарскую диктатуру? Или у вас есть товарищи, готовые стать членами правительства?

– Да, я дворянка. Из очень древнего рода, внесенного в Бархатную книгу. А кем были декабристы? А Софья Перовская? Кстати, меня называли в её честь. Я с детства была знакома с настоящими большевиками, пролетариями. Я ещё в гимназии прочитала программные документы РСДРП, поверила в них. А они совершили предательство. И есть настоящие большевики, пролетарии, которым можно смело доверить управление государством. Вот таким, как дядя Саша Лосев.

Лосев?! Старый большевик, участник штурма Зимнего, да ещё и старший группы чекистов? Ну ни хрена себе, как причудливо тасуется колода!

Похоже, девушка поняла, что сболтнула что-то не то.

– Всё, больше я ничего не скажу, никого не выдам.

Я пододвинул девушке папиросную пачку.

– Курите. – Подождав, пока девушка закурит, равнодушно сказал: – Не волнуйтесь, нам больше от вас ничего не нужно. Вы назвали имя своего лидера, теперь будем допрашивать его. Только не обессудьте, вашего дядю Сашу мы будем расспрашивать более строго, нежели вас.

Софья Ананьевская застыла, забыв о дымящейся папиросе.

– Вы собираетесь его пытаться?! Это же аморально!

– Аморально? – сделал я удивленный вид. – Вы собирались убить товарища Ленина в людном месте, где было бы множество жертв. Если положить на чашу весов жизнь и здоровье одного человека, а на другую – жизнь десятков людей, при чем же здесь аморальность?

Софья нервно ломала спички, пытаясь поджечь папиросу. Пришлось прийти ей на помощь. Затушив спичку и бросив в пепельницу, я сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.